

6. Клевченя М. С. Проблемы теории и практики дифференцированного обучения // Актуальные проблемы дифференцированного обучения. / Под ред. Л. Н. Рожиной, Н. А. Цыркун и др. – Мн., 1992. С. 5–37.

7. Покровская С. Е. Психологические аспекты дифференцированного и раздельного обучения учащихся // Научно-исследовательская и методическая работа в учебных заведениях нового типа как средство профессионального самосовершенствования педагогов: Сб. науч. ст. науч.-практ. конф. Мн., 1997. С. 126–132.

8. Покровская С. Е. Внешняя и внутренняя дифференциация обучения как разновидность разноуровневой подготовки школьников // Педагогические проблемы разноуровневой подготовки школьников и студентов условий реформирования образования: Сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 12–13 мая. Мн., 1998. Ч. 1. С. 32–42.

А. А. Полонников

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: ОПЫТ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ

Создание истории белорусской психологии – задача непростая. Сложность такой работы, если конечно не ориентироваться на жанр наивного нарратива, состоит в определении смысла самой исторической реконструкции. От ответа на вопрос: "Зачем мы пишем настоящую историю?" во многом, если не целиком, зависит собранный в описании материал. Или, точнее, от нашего проекта участия психологии в современной и будущей жизни. Как отмечал в свое время Ф. Ницше, "только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, т. е. судящей и осуждающей истории" [3, с. 174].

Постановка вопроса о смысле обнаруживает один интересный парадокс. Он связан с невозможностью ответа с тоски зрения психологии, поскольку это всегда вопрос о самой психологии. То есть ответ на него требует вписывания психологии (истории психологии) в некоторую объемлющую целостность. Долгое время на роль такого универсального контекста претендовала философия, однако дифференциация и диверсификация философского знания, другие сложные культурные процессы привели к тому, что любые философские опыты стали приобретать характер локальных концептуализаций, а значит, и обнаруживать свою неадекватность в отношении к психологическим структурам.

Таким образом, вопрос о контексте становится центральным в отношении как истории психологии, так и психологии в целом.

Его обсуждение вновь обращает нас к истокам, к тому, что мы по праву считаем своими корнями и в чем рассчитываем найти новый энергетический ресурс и материал для необходимой сегодня созидательной работы. Не секрет, что многие из продуктивно действующих в Беларуси психологов, ведут отчет своих научных биографий от Выготского. И, наверное, мы не ошибемся, если,

перефразируя Л. Радзиховского, предположим, что все они, в том числе и авторы этих строк, живут на проценты с капитала, заработанного нашим знаменитым земляком. В данном случае к Выготскому мы обращаемся в поиске той структуры целостности, которая поможет нам в решении контекстуальной проблемы.

Одной из ключевых работ Л.С. Выготского по праву считают его методологический трактат "Исторический смысл психологического кризиса". В нем мы можем обнаружить несколько важных для наших поисков указаний.

Во-первых, Выготский постулирует наличие в психологии глубокого кризиса, который обусловлен двумя (сегодня ставшими вновь актуальными) обстоятельствами: отсутствием в психологии единого научного метода и собственной практики. И если первое прояснено автором, и имя этого прояснения философия, то второе, к сожалению, сформулировано слишком метафорично и подлежит отдельной категориальной реконструкции.

Во-вторых, выход их кризиса Выготский видит на путях создания общей психологии (образец Лев Семенович заимствует у более развитых естественных наук, подчеркивая при этом самостоятельность и предметную специфичность психологии), которая должна выступить базой всех и всяческих психологических поисков, преодолеть "борьбу всех против всех". При этом Л.С. Выготский указывает, что "нет большей ошибки, чем принять эту борьбу за борьбу воззрений" [2, с. 374–375]. Поскольку, считает он, на самом деле "*существуют две психологии* – естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистская, ...борьба действительно происходит только между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений" [2, с. 381].

И, наконец, в третьих, преодоление кризисных обстоятельств только и возможно на путях утверждения в психологии марксистского метода, который "есть не школа среди школ, а **единственная истинная**¹ психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть. И обратно: *все*, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие шире, чем понятие школы или даже направления. Оно совпадает с понятием *научной* психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась" [2, с. 435].

Важнейшая из предложенных Л.С. Выготским идей состоит в допущении принципиальной возможности существования построенной на едином методе "единственной" психологии². (Вопрос аналитика при расшифровке данного высказывания может быть сформулирован следующим образом: это высказывание претендует на общезначимость или просто выражает частную позицию авторского самоопределения). Ответить на него можно путем привлечения используемой Выготским метафоры "практика". Суть практического отношения, насколько нам известно, автор заимствует из философского сочинения К. Маркса

¹ Выделено нами – А. П.

² Обратим внимание не на то, что говорит Выготский, а на эффекты социального действия этого высказывания, то есть практику авторского поступка – А. П.

"Тезисы о Фейербахе". В нем Маркс противопоставляет традиционному созерцательному отношению в философии отношение преобразовательное, практическое. С известной редукцией его можно свести к деятельностному, содержание которого составляет "целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры" [4, с. 12]. Из этого следует, что современная Выготскому психология не участвует в преобразовании мира, а значит, и не имеет практики. Значит, кризис психологии не в отсутствии у нее своего предмета или тех или иных приложений, а в самой вторичной, реактивной позиции, в созерцательности, в не выраженности установки на сознательное преобразование социального мира. Так, по всей видимости, считает Выготский. Однако для нас важен и другой вопрос: почему он так считает?

Наивно было бы предполагать, что Выготскому в 1927 г. не был известен триумф психоанализа и его преобразующее влияние на все сферы общественной жизни: живопись, литературу, киноискусство, педагогику, психологическую науку. Насколько мы можем судить по его работам, известен и очень хорошо. А если это так, то либо Выготский некорректен в использовании марксистского понятия практика, либо сама практика, в которой участвует психоанализ, по каким-то причинам автора не устраивает. Смеем предположить последнее. В этом случае тема кризиса в психологии должна быть прочтена следующим образом: никакого кризиса в психологии как сфере человеческого мышления и деятельности нет. Кризисное состояние и соответствующие квалификации возникают у субъекта, обозначающего для себя новую область практикования и обнаруживающего неадекватность (или отсутствие) психологии для участия именно в этой практике. Язык такой психологии (психологическую реальность) необходимо создать. Создание психологии и есть преодоление кризиса.

Так возникает методологическое решение проблемы целого для контекстуализации смысла психологических конструкций. То есть "практика" в трактовке Выготского является не психологической категорией. Более того, она не является и теоретической категорией, хотя легко может быть превращена в концепт. В этом смысле практическая контекстуализация – это не разновидность логических процедур, важных для любой научной работы, а сама работа, само участие в социальном и культурном мире, в которой теоретическое отношение – лишь попытка ее концептуализировать с позиции наблюдателя. Сказанное может быть отнесено и к философскому опыту.

У Выготского практика для его психологии – это социокультурная задача формирования нового человека грядущего коммунистического общества. Конечно же, для этих целей ни одна из анализируемых им психологических форм не подходит, а значит должна быть реинтерпретирована.

Вот почему все психологические поиски до Выготского – предистория. (С точки зрения практики создания новой социальной реальности). Или история заблуждений. Настоящая, правильная, научная, истинная, прогрессивная,

абсолютная психология лишь та, которая соответствует самоопределению Выготского или избранной им практике.

Сегодня, атакуя (и во многом справедливо) марксистские установки в психологическом мышлении и деятельности, мы можем вместе с водой выплеснуть и ребенка. В частности, это относится к прецеденту трактовки психологии как структуры практики. Не науки, якобы отражающей законы объективного мира, а практики поддержания и утверждения того или иного мира, практики создания миров и их трансформации. Речь идет, конечно же, о смысловых универсумах. Следовательно, и о разных типах практического отношения и о разных психологиях, встроенных в целостности этих практик. В этом плане вполне правомерно говорить не столько о практике психологии, сколько о психологии в практике. Практика в этом случае представляет собой ту конкретно/абстрактную целостность, в контексте которой формируются соответствующие ей схемы понимания, мышления и деятельности, корпус психологических фактов и способов их концептуализации. Не психологическая или философская теория должна рассматриваться в контекстном качестве, а сами они контекстуализироваться как элемент практик. Это значит, что теперь критерием оценки качества психологии становится практический критерий – "не степень ее соответствия подлинному миру, а ее социальная интеллигибельность и способность генерировать новые поведенческие феномены, которые утверждают истину, проецируемую теорией" [5, с. 54].

Однако из такого уяснения следует, что сам опыт Выготского достаточно локален и может быть подвергнут реинтерпретации из других социокультурных самоопределений и практик. А это значит, что он может быть объявлен неистинным, непрактичным, ненаучным из иных практических перспектив. Другие практики (в марксовом смысле) формируют свои поля психологических значений и способы их легитимации в культуре. К выработке рефлексивных структур их побуждает не только логика саморазвития, но и внешняя критика. "Критика побуждает дискурс к саморазвертыванию", – пишет К. Джерджен [6].

Практический плюрализм как принцип психологического мироустройства не отменяет проблему локального самоопределения, а наоборот, обостряет. В какую практику производства социальной реальности мы включены сегодня или намерены производить своими усилиями? Содержание той истории психологии, которую пишем, оказывается зависимой от практического самоопределения или от его отсутствия. Последнее Выготский именуется словом кризис.

Преодоление кризиса – это самоопределение в той или иной практической модальности, признании ее единственно возможной, отказе от плюрализма. Единственной теперь уже в бахтинском смысле "нигде не повторяющегося целого и его действительности" [1, с. 110]. Как практикующие, мы уже не можем говорить: возможно и то, возможно и это. Только **Это** и только **Так**. (Но в границах нашего практикования, в его контексте). Применительно к истории психологии как исследовательской деятельности и учебному предмету "История

психологии" введение контекста социокультурной практики может оказаться эвристичным.

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка / Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. с. 80–160.
2. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса / Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. С. 292–436.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Литературные памятники. С. 158–230.
4. Швырев В. С. Проблема разработки понятия деятельности как философской категории / Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 9–20.
5. Западная социальная психологи в поисках новой парадигмы: анализ методологических дискуссий 70–90-х годов. М., 1993.
6. Gergen K. J. Technology and the Transformation of the Pedagogical Project – <http://www.swarthmore.edu/SocSci/kgergen1/text>.

Л. Н. Рожина, Т. Г. Шелкович

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕЛОРУССКИХ ПСИХОЛОГОВ

Проблема эмоционального развития личности, в значительной мере детерминирующего развивающие эффекты и в нравственном сознании человека, наиболее полно представлена в работах Л.Н. Рожиной, начиная с самых ранних работ (1964, 1966, 1970, 1972, 1975–1977 гг.) и заканчивая более поздними исследованиями, разноплановыми по своей сути. Все они выполнены в контексте разработанного Л.Н. Рожиной научного направления – художественного познания психики человека – и реализованы в публикациях по проблемам художественной перцепции, художественной фасилитации и методики преподавания психологии.

В монографии "Психология восприятия литературного героя школьниками" (1977 г.) рассматриваются вопросы психологической интерпретации младшими школьниками и подростками внутреннего мира человека, являющегося объектом изображения в искусстве, а именно: мотивов поведения, переживаний, размышлений, отношений между персонажами, оценки литературного героя и отношения к нему, представленности в обобщенной вербализованной структуре описания персонажа эмативного компонента.

В цикле статей и учебно-методических пособий (1970, 1975, 1976, 1978, 1980, 1984, 1986, 1995–2000 гг.) рассматриваются, с одной стороны, вопросы худо-